

ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ

“НЕТ, Я НЕ ВЫШЕЛ ИЗ НАРОДА...”

Слово о поэте Николае Ивановиче Тряпкине

Сегодня, оглядывая прошедшую жизнь, я всё больше уверяюсь в том, что мои, казалось бы, неожиданные встречи с поэтами и прозаиками, которые сказали своё слово в современной отечественной литературе, вовсе не были случайными, что они predeterminedены в юности и молодости, когда я впервые прикоснулся душой и сердцем к их творчеству.

В 1967 году я купил в киоске “Союзпечать” тонюсенькую книжицу “Летела гагара”, вышедшую в библиотечке журнала “Огонёк”. Имя автора – Николай Тряпкин – ни о чём мне не говорило. К тому времени я, двадцатилетний, уже прочитал синий том Марины Цветаевой в серии “Библиотека поэта”; знакомая продавец книжного магазина продала из-под прилавка красивую, отпечатанную на мелованной бумаге разными шрифтами, чёрным и красным цветом книгу стихотворений Роберта Рождественского “Радиус действия”; я с нетерпением ждал каждый новый номер журнала “Юность”, в котором часто печатались Рождественский, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина и другие поэты-шестидесятники, восхищаясь, как они ловко обращаются со словами, как смело декларируют свои убеждения, высказывают мысли и чувства.

Открыл “Летела гагара”. Стихотворение, давшее название сборнику, начиналось так:

*Летела гагара,
Летела гагара
На вешней заре.*

*Летела гагара
С морского утёса
Над тундрой сырой.*

*А там на болотах,
А там на болотах
Брусника цвела.*

*А там на болотах
Дымились туманы,
Олени паслись.*

Казалось бы, самые обычные простые слова, традиционный размер, разве что рифм нет, никакого открытия в этих строчках, но почему-то они привлекали, даже завораживали. Может быть, такое впечатление они произвели на меня ещё и потому, что в дальневосточном краю, где я тогда жил, как и на русском севере, тоже *на болотах брусника цвела, дымились туманы, олени паслись.*

*Скрип моей колыбели!
Скрип моей колыбели!
Древняя сказка прялки,
Зимний покой в избе,
Слышу тебя издалёка,
Скрип моей колыбели,
Помню тебя излубока,
Песню пою тебе.*

Всё, о чём рассказано в стихотворении “Скрип моей колыбели”, мне было знакомо с детства. Правда, наш дом мы не называли избой, но он был тоже деревянным, и прялка у нас была, и моя колыбель качалась на железном кольце на побеленной матице, и моя бабушка, добрейшая Елена Артемьевна, поволжская крестьянка, напевала народные песни и ведала чудесные сказки.

Шли годы. Мне стала ближе лирика Владимира Соколова, Анатолия Жигулина, Николая Рубцова, Игоря Шкляревского, Станислава Куняева, и, конечно же, всё чаще я брал в руки сборники Николая Тряпкина, чтобы ещё и ещё раз их перечитать. Я стал понимать: чтобы накрутить что-нибудь этаткое, современное и смелое, якобы мудрёное, достаточно определённой образованности и усердия ума, а вот чтобы проникнуть в глубины истории и времён, требуется истовая работа души и причастность к народной жизни. И непременно врождённый поэтический дар.

*Старинные песни, забытые руны!
Степные курганы, гуслирные струны!
Далёкая быль!
Давно пронеслись те года и походы,
И всё принакрыли извечные воды,
Ивяк да ковыль.*

.....
*И снятся мне травы, давно прожитые,
И наши предтечи, совсем молодые,
А Время поёт.
И рвутся над нами забытые страсти,
И гром раздирает вселенские снасти,
А колокол бьёт!*

Это стихотворение “Старинная песня” с эпитафией из “Слова о полку Игореве” “Что мне шумит, что мне звенит далече рано пред зорями” поэт написал в 1973 году, его слова “А колокол бьёт!” с восклицательным знаком оказались пророчеством того, что случится со страной, народом и всеми нами в недалёком будущем.

* * *

В последних числах мая 1993 года руководитель Белгородской писательской организации Владимир Молчанов и я приехали в Москву на заседание приёмной коллегии Союза писателей России. Рассматривались документы на приём кого-то из наших литераторов, и мы решили его поддержать. А раньше Володя рассказал, что, когда он был в Доме творчества писателей в Переделкино, познакомился с Николаем Тряпкиным. Предложил: “Давай ему позвоним”. Позвонили, и Николай Иванович пригласил нас в гости.

Ехали долго, сначала на метро, кажется, с пересадкой, потом на автобусе. Далее строки из моего дневника: “Дверь открыл сам поэт. Пожал нам руки.

Поприветствовал, сильно заикаясь. Пронзительно голубые глаза, добрая улыбка, седые волосы, которые только и указывали, что хозяину скоро 75 лет. Провёл по квартире, сказал, что до этого долго жил в Реутове, что у него впервые появился свой настоящий кабинет. Новой квартирой он явно гордился.

Мы, естественно, прихватили с собой бутылочку. Поставили на стол. Николай Иванович предупредил, что жена не поощряет это дело, но она ушла на рынок. И тут вернулась его жена. Поздоровалась. Увидела бутылку, всплеснула руками: “Коля, что же ты гостей ничем не угощаешь?” Пошла на кухню, принесла тефтели, что-то ещё. Пояснила: “Я на рынок хожу к закрытию, когда цены на мясо снижают. Покупаю обрезки, пропускаю через мясорубку, котлеты, тефтели делаю. Правда, вкусные?”

Угощение действительно было вкусным. Но слово “обрезки” неприятно резануло. Было понятно, что семье поэта, как и многим в наше время, живётся материально трудно. Книги у Тряпкина давно не выходили, публикаций в периодике было мало. Правда, Николай Иванович сказал, что Союз писателей ему, Борису Примерову, Василию Казанцеву и кому-то ещё назначил стипендию, но она мизерная.

Застолье, конечно, не обошлось без стихов. Я читал, от волнения запинаясь или спотыкаясь, как говорила моя бабушка. Николай Иванович посоветовал: “А ты стихи пой, как я”. И начал. . . И мы услышали его мелодичный голос с удивительными переливами, сильный и раздольный. Он пел знакомые мне стихотворения “Летела гагара”, “Скрип моей колыбели”, “А на улице снег. . .” и другие, но они обретали как бы новое звучание и более глубокий смысл. Так вот почему в названиях его стихотворений много раз повторяются слова “песнь”, “песня”: “Песнь о зимнем очаге”, “Песнь белой тундры”, “Песня о великом нересте”, “Песни мои”, “Извечная песня” и другие.

В гостях мы пробыли больше трёх часов. Пригласили Николая Ивановича в Белгород на Дни литературы. Он обещал приехать, если позволит здоровье. И ещё. Он обратил внимание на мой длинный галстук цвета переливистой вечерней морской волны. Заметил: “Я тоже люблю такие. Но теперь в шкафу висят, некуда их надевать”.

Однако в Белгород поэт не приехал. В том же октябре в России жизнь катастрофически перевернулась, из танков был расстрелян Верховный Совет России. Случился конфликт и в семье поэта, из-за чего он ушёл из своей квартиры. Жил, где придётся. Я читал в газете “День” его горькие строки:

*И ни отцов тебе, ни отчего завета,
Ни дедовских могил, ни чести, ни стыда.
Ирония судьбы! В дом русского поэта
С приплясом ворвалась хитровская страда.*

И такие:

*Не жалею, друзья, что пора умирать,
А жалею, друзья, что не в силах карать,
Что в дому у меня столько разных свиней,
А в руках у меня ни дубья, ни камней.*

*Дорогая Отчизна! Бесценная мать!
Не боюсь умирать. Мне пора умирать.
Только пусть не убьёт стариковская ржа,
А дозвошь умереть от свинца и ножа.*

А ещё неожиданные, совершенно не типичные для “отверженного поэта”, как назвал его критик Владимир Бондаренко:

Вербная песня

*За великий Советский Союз!
За святейшее братство людское!
О Господь! Всеблагий Иисус!
Воскреси наше счастье земное.*

*О Господь! Наклонись надо мной.
Задичали мы в прорве кромешной.
Окропи Ты нас вербной водой.
Осени голосистой скворешней.*

*Не держи Ты всевышнего зла
За срамные мои вавилоны,
Что срывал я Твои купола,
Что кромсал я святые иконы!*

*Огради! Упаси! Защити!
Подними из кровавых узилищ!
Что за гной в моей старой кости,
Что за смрад от бесовских блудилищ!*

*О Господь! Всеблагой Иисус!
Воскреси мое счастье земное.
Подними Ты наш красный Союз
До Креста своего аналая.*

Поэт, не облаканный никакой властью, выступал как защитник и радетель за благо своей страны, обращаясь с мольбой к Иисусу Христу, чтобы Он оберёг великую Россию от страшной участи – кануть в небытие.

В последние годы Тряпкин написал ряд стихотворений, посвящённых близким ему людям и друзьям: Павлу Антокольскому, который первым поддержал молодого поэта; Фёдору Панфёрову, редактору журнала “Октябрь”, в котором была опубликована его дебютная подборка; критику Вадиму Кожиннову, поэтам Владимиру Семакину и Марку Соболю. Вот строки из послания Соболю:

*Дружище Марк! А ты совсем не зверь,
Да ведь и я люблю тебя доселе.
Давай-ка, брат, сойдёмся и теперь,
И вновь по чарке тяпнем в “Цэдээле”.*

*Для нас ли дым взаимной чепухи?
Поверь-ка слову друга и поэта:
Я заложил бы все свои стихи
За первый стих из Нового Завета.*

*Скорблю, старик, что наш ХХ век
Столь оказался и сварлив, и смраден.
Хвала Творцу! Хоть ты-то не генсек —
И нынче мне особенно отраден.*

*А посему — не упрекай меня,
Что вот стучусь в твоё уединенье.
Давай-ка вновь присядем у огня,
Что мы когда-то звали вдохновеньем.*

Он словно подводил итоги своей жизни, своего творчества, прощаясь с теми, кто ему был дорог, и тем, что ему было дорого.

Николай Иванович Тряпкин ушёл из жизни 21 февраля 1999 года. В центральных средствах массовой информации об этом не было ни слова.

* * *

Самое обстоятельное собрание стихотворений Николая Тряпкина, насколько я знаю, — книга “Горящий Водолей” (“Молодая гвардия”, 2003) с обстоятельным и умным предисловием Сергея Куняева. Он назвал его “одним из драгоценнейших русских поэтов второй половины ХХ столетия”.

А вот слова Юрия Кузнецова: “Николай Тряпкин близок к фольклору и этнографической среде, но близок, как летящая птица. Он не вязнет, а парит. Оттого в его стихах всегда возникает ощущение ликующего полёта... Бытовые подробности отзываются певучим эхом. Они дышат, как живые. Поэт владеет своим материалом таинственно, не прилагая видимых усилий, как Емеля из сказки, у которого и печь сама ходит, и топор сам рубит. Но это уже не быт, а национальная стихия. В линии Кольцов – Есенин, поэтов народного лада, Тряпкин – последний русский поэт. Трудно и даже невозможно в будущем ожидать появления поэта подобной народной стихии. Слишком замутнён и исковеркан русский язык и сильно подорваны генетические корни народа. Но если такое случится – произойдёт поистине чудо. Будем на это надеяться, а я уверен в одном: в XXI веке значение самобытного слова Николая Тряпкина будет только возрастать”.

Я не критик, не литературовед, считаю, что не имею права давать оценку творчеству поэта, одаривать его велеречивыми эпитетами “значимый”, “большой”, “великий” и т. д., и т. п., я просто читатель и повторяю, что часто обращаюсь к стихотворениям Николая Тряпкина. Приведу лишь ещё две цитаты. О Родине. Стихотворение называется “Мать”.

*Гляжу на крест... Да сгинь ты, тьма проклятая!
Умри, змея!
О Русь моя! Не ты ли там – распятая?
О Русь моя!*

*Она молчит, возревши к небу звёздному
В страде своей.
И только сын глотает кровь железную
С её гвоздей.*

О себе и своём творчестве:

*Нет, я не вышел из народа.
О чернокостная порода!
Из твоего крутого рода
я никуда не выходил.
И к белой кости, к серой кости
Я только с музой езжу в гости.
И на всеобщем лишь погосте
меня разбудит Гавриил.*

...А петь свои стихи, как советовал Николай Иванович, я так и не научился.